

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Обречен
на победу

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов
Обречен на победу

«ЭКСМО»

1985

Леонов Н. И.

Обречен на победу / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1985 — (Гуров)

В повести «Обречен на победу» речь пойдет об убийстве тренера по легкой атлетике. Кто преступник? Все улики, имеющиеся у следствия, указывают на известного спортсмена, олимпийского чемпиона Павла Астахова. Кажется, все ясно. Однако у Льва Гурова имеется на этот счет свое мнение...

© Леонов Н. И., 1985

© Эксмо, 1985

Содержание

Начало	5
Старший оперуполномоченный МУРа Лев Гуров	13
Убийство	20
Когда Игорь Лозянко был еще жив	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов

Обречен на победу

Начало

Аэропорт – это место, где не ощущаешь времени, оно безлико. В плохую погоду, когда один город самолеты не принимает, а другой не выпускает, теряется представление и о числе, и о дне недели.

– Объявляется посадка на рейс... за двенадцатое июня.

«Все-таки июнь, – сознание, затуманенное тупым ожиданием, слегка проясняется. – И двенадцатое уже прошло... Одиннадцатого я собирался быть...» – И человек с особой симпатией смотрит на стандартно улыбающуюся девушку в голубом мундире Аэрофлота, которая призывает экономить время и пользоваться услугами...

Все проходит, непогода тоже. Аэропорт, словно чудом не затонувшее судно, выбрасывает на летное поле остатки измученных людей, быстро прихорашивается, его пульс становится ровным. Посадки, взлеты, приливы и отливы. Бодрый, чуть напряженный женский голос с невидимого капитанского мостика оповещает, что произошло, происходит сейчас и должно произойти в ближайшее время в этой маленькой разноязыкой стране – аэропорту.

Летним вечером, когда солнце опускалось за взлетную полосу и напoлзавшие сумерки зажгли над аэродромом электрические созвездия, в городском аэропорту было особенно многолюдно. Улетала на спартакиаду школьников сборная команда легкоатлетов области, и мамы, бабушки, тренеры, влюбленные торопились сказать что-то самое важное, без чего любимое существо там, на чужбине, несомненно, пропадет.

- Плечо не поднимай... Бедро, бедро выше...
- Не стой у открытой форточки...
- Не ты там выступаешь, не ты, а мы... Все мы!
- Помни, тебе нельзя ничего острого...
- Ты фамилию, фамилию нашу не опозорь...
- Береги себя, бог с ним, с этим рекордом!

Высокорослые прыгуны, стройные спринтеры, невысокие стайеры, широкоплечие метатели, юноши и девушки, такие разные, но одинаково молодые, в ярких спортивных костюмах, теряли последние капли терпения. Сейчас им уже ничего не было нужно: ни спартакиады, ни рекордов, ни званий. И, словно услышав эту мольбу молодости, репродуктор приглушенно кашлянул и произнес:

- Заканчивается регистрация билетов и оформление багажа на рейс...
- Казалось, аэровокзал вздрогнул. Ребята двинулись на летное поле...

Старший оперуполномоченный МУРа майор милиции Лев Гуров стоял, притиснутый к липкой на ощупь стойке хронически не работающего буфета.

Гуров провожал следователя Прокуратуры СССР, с которым прилетел в этот город одиннадцать дней назад. Преступники, которых они здесь выявили и задержали, год назад совершили два разбойных нападения в Москве. Долго тянулись нудные месяцы бесплодного розыска. Неожиданно аналогичное нападение произошло здесь. Следователь и Гуров были откомандированы в Город. Здесь Лева, как говорится, повезло. Каждый розыскник знает: опыт опытом, мастерство мастерством, а госпожа Удача – фактор немаловажный. Она может не появляться долго-долго, а может выскочить из-за угла неожиданно. Тут уж срабатывает про-

фессионализм: не прозевать. Гуров и следователь прокуратуры были профессионалами, вчера преступников водворили в изолятор.

Следователю надо на два дня в Киев по другому делу, а Гуров завтра первым рейсом улетал в Москву. Он не любил провожать, не любил эти последние резиновые минуты, когда и с близким человеком разговор не ладится, а самые простые слова звучат фальшиво. Происходит это, видимо, оттого, что люди лишь формально рядом – фактически один уже в пути, другой остался, и их миры разделились. Встречать, даже малознакомого человека, дело совсем иное. Люди встретились, их миры пересеклись, пусть ненадолго, но они в момент встречи едины. И самые пустые слова наполняются человеческим теплом. «Ну как? Я рад!» – «Я тоже рад. Что дома?» – «А у тебя?»

Провожал следователя и начальник уголовного розыска подполковник Серов. Следователь и Серов выжимали из себя последние слова. Гуров молчал, причем старался молчать как можно вежливее.

Услышав сообщение о посадке на самолет, все заулыбались.

– Спасибо за помощь, Иван Николаевич. – Серов пожал следователю руку.

– Это к нему, – следователь кивнул на Гурова. – А вы когда домой, Лев Иванович?

– Завтра, утренним рейсом, – ответил Гуров. – До встречи.

– На курорте, – улыбнулся следователь. – Вот я на пару дней в Киев, потом домой, в Москву, и... – Он блаженно прикрыл глаза, затем взглянул остро и совсем другим тоном сказал: – А Слаvinу экспертизу обязательно...

На простоватом лице подполковника появилась обида и удивление, он развел округло руками:

– Иван Николаевич...

– Ну ладно, ладно. – Следователь еще раз пожал обоим руку и быстро, словно скинул ненужный груз, зашагал к выходу на посадку.

– Рад до смерти, – сказал Серов, призывая Гурова в союзники. – Конечно, после столицы у нас тут...

Гуров вежливо кивнул, он смотрел на открытые, светящиеся лица ребят. Вот она, жизнь. «Почему я не стал тренером, педагогом? Работенка тоже не вздохи при луне, однако ребята-то какие? Среди них и сам цветешь и пахнешь. Проступки совершают и они, конечно, не без этого: режим нарушил, на тренировку опоздал, влюбился, мерзавец, ночами не спит, а у тренера от его результатов аппетит портится».

Рассуждая так, старший оперуполномоченный не знал, что завтра начнет знакомиться с людьми страны Большого Sports и сегодняшние мысли его окажутся коротенькими. Шагая за подполковником к ожидавшей их машине, он уже переключился на Москву, на дом, самую дорогую и замечательную девушку на свете. Лев Иванович Гуров кое-что в жизни видел, но ему было тридцать три, и он пока смотрел только на восток, откуда поднимается солнце.

В зале аэровокзала, только что заполненном плотно, стало свободнее, хотя провожавшие медлили, а те, кто двинулся к выходу, оглядывались.

Павел Астахов не улетал и не провожал, он сопровождал Нину Маевскую, у которой улетала младшая сестра.

Когда Астахов давал интервью за рубежом, то на просьбу представиться отвечал: аспирант педагогического института. Журналистам на родине сердито, скрывая смущение, рекомендовал заглянуть в справочник и отворачивался. А что сказать?

Заслуженный мастер спорта, неоднократный рекордсмен и чемпион Союза, чемпион мира, олимпийский чемпион, кавалер орденов... Ответить так? Дело не в том, что это нескромно. Констатация фактов не может расцениваться как нескромность. Однако титулы

свои Астахов никогда не перечислял, хотя стеснительностью не страдал. Люди стеснительные, если они талантливы, способны достигнуть больших успехов. Только не в спорте.

Утверждают, что в природе все уравновешено. Видимо, в целом оно так и есть. Но в таком случае, создавая Павла Астахова, природа сильно кого-то обидела, и теперь по причине физического совершенства Астахова по Городу шастало несколько за его счет обделенных парней, низкорослых, узкоплечих и кривоногих. Описывать его достоинства было так же неприлично, как перечислять титулы. В Городе Павел Астахов являлся общественной собственностью, и за глаза все называли его Паша.

Он, конечно, не был Пашей. Обзаведись он визитной карточкой, на ней было бы вполне достаточно написать: «Павел Астахов». В черте Города такая визитка открывала бы любую дверь.

Наступал вечер. Город готовился ко сну, никто не подозревал, представить не мог, что завтра, уже завтра, после имени Паша грянет слово «убийца».

Нина Маевская, которую сопровождал Астахов, была первой красавицей Города. А может, она не была красавицей? Но подавляющее большинство мужчин, которые причисляли себя к сильному полу, реагировали на Нину Маевскую болезненно. Симптомы, естественно, проявлялись различно. Одни при встрече с ней втягивали животы, расправляли плечи. Другие прерывали очередной анекдот, начинали рассказывать о своей последней поездке в Париж. Некоторые любящие мужья вдруг беспричинно хамили женам. Рассказывают, что один молодой доктор наук, познакомившись с Ниной, от смущения снял очки, а так как очки у него были минус пять, то он тут же вошел в стеклянную дверь.

Нина Маевская училась в институте, занималась спортом, не блистала ни умом, ни глупостью, была нормальной двадцатидвухлетней девушкой.

Город следил за романом Астахова и Маевской внимательно, их скорая свадьба ни у кого не вызвала сомнений. Сами герои ничего о решении земляков не знали.

Итак, здание аэровокзала пустело, отстававшие догоняли своих товарищей. Трое молодых высокорослых парней рванулись было к выходу, на посадку, но приостановились. Кто-то шепнул:

– Астахов! Астахов!

– Где?

– Вот! – громко сказала Нина, взяла Астахова за плечи, повернула лицом к ребятам: – Любуйтесь! Павел Астахов! Лично!

Молодых спортсменов как ветром сдуло.

Один из тренеров, статный, модно одетый, лет тридцати – Игорь Лозянко – громко рассмеялся, встретившись с Ниной взглядом, подмигнул и, подхватив двух своих учениц под руки, повел к контролю. Девушки шутливо упирались.

– Игорь, летим с нами...

– Без вас мы не выиграем...

Нина проводила Игоря Лозянко долгим взглядом. Астахов улыбнулся, подбросил на ладони ключи, спросил:

– Едем?

– Объехал полмира или больше, а не можешь модно одеться, – недовольно сказала Нина.

– А что? – Астахов оглядел себя. – Все в норме. Шмотки как шмотки.

Мимо проходили два других тренера, одногодки и друзья, они спорили между собой лет тридцать, занимались этим делом и сейчас. Анатолий Петрович Кепко, низкорослый лысоватый блондин, и Олег Борисович Краев, высокий брюнет, некогда стройный, а теперь величественно несший свое грузное тело. С ним шла рекордсменка области по прыжкам в длину Вера Темина. По мнению большинства мужчин, фигура у Веры была потрясающая, но ее тренер

Краев, живя на сборах, в столовой усаживал спортсменку за свой стол и старательно съедал три четверти отпущенного кухней на двоих.

– Добрый вечер, – сказал Кепко, улыбнулся Маевской и Астахову.

– Любовь – штука прекрасная, – пророкотал Краев. – Но не забывайте, что утреннюю тренировку никто не отменял.

– Олег Борисович, удочерите меня, – сказала Нина Маевская. – И покончим разом.

– Выбежишь из одиннадцати и пяти, я тебя не только удочерю, но и... – он понизил голос до шепота.

Однако Вера Темина услышала, дернула тренера за рукав:

– Олег Борисович!

– Какавы не пей, ты не в секс-шоу выступаешь, а на стадионе. – Смягчая резкость, Краев обнял Темину за плечи, зашептал: – Да не смотри ты на него, убогого. Он на дорожке мужик, а в жизни только приложение к Нине и шиповкам.

– Неправда! – Вера вырвалась.

– Конечно, неправда, – сказал идущий рядом Кепко. – Дядя Олег так шутит.

Почти со всеми героями нашей истории мы познакомились, да и в здании аэровокзала торчать надоело, душновато здесь. Самое время подмести, вымыть пол: усаживающиеся сейчас в самолете спортсмены и медленно разбредавшаяся многочисленная свита оставили на месте прощания изрядное количество апельсиновых корок, конфетных оберток, окурков и не опознаваемого на первый взгляд мусора.

Вечер был так себе, обычный. Ни дождя, ни ветра, ни тепла, ни холода, солнце завалилось, звезды не вылезли. Если бы через час в Городе не был убит человек, то и говорить об этом вечере вообще не стоило.

На стоянке автомашин у серой с милицейским «галстуком» «Волги» стояли подполковник Серов и Гуров.

Милицеская форма на подполковнике Серове смотрелась, хотя надевал он ее редко – в День милиции да в случаях вызова на ковер для разноса. Если визит к генералу носил деловой и миролюбивый характер, Борис Петрович являлся в штатском. Сегодня он облачился в мундир, желая подчеркнуть, что является представителем УВД области, которое выказывает свое уважение и благодарность улетающему гостю. Все-таки старший следователь Прокуратуры СССР по особо важным делам!

Внешности Борис Петрович Серов был неброской. Из-под чуть набрякших век подполковник смотрел настолько простодушно и даже наивно, что поверить его взгляду мог только ребенок. В России такие «простаки» встречаются. Гуров их повидал, с некоторыми вместе работал, иные порой сидели с другой стороны стола. Гуров пообщался с Серовым полторы недели и приобрел защитный иммунитет. Ты простой, а я еще проще, ты говоришь, я все принимаю за чистую монету. И от линии этой ни шагу в сторону, иначе обязательно угодишь в лужу.

– А я поначалу к вам... – Серов соорудил недовольную гримасу. – Вообще не люблю варягов, тем более из Москвы. Зазнайки.

– И абсолютно правы, – быстро согласился Гуров.

– Но в цвет вышли именно вы. – В глазах Серова светилось искреннее восхищение. – Такой хватке можно позавидовать.

Гуров насторожился, но, возможно, Борис Петрович ничего конкретного не имел в виду. Почему бы и не сказать приятное хорошему человеку? Тем более что он из Москвы, мало ли каким образом жизнь повернется...

– Я тут не виноват, – тоже открыто улыбнулся Гуров. – Так распорядилась госпожа Удача.

– Но к одним та-та-та-та, а к другим – иначе! – рассмеялся подполковник. – Куда пропал водитель Росинанта? – И слегка смутился, так как по своей роли деревенского простака не мог слышать о коне доблестного рыцаря.

Павел Астахов открыл дверцу собственной «Волги», Нина села на переднее сиденье, сказала:

– Что ни говори, а богатые люди – это совсем особые люди!

– Павел! – к ним подошел Игорь Лозянко, который все-таки отправил своих учениц и теперь торопился в город. – Подбрось в центр безлошадного крестьянина.

Астахов окинул взглядом «крестьянина», взял за лацкан дорогого твидового пиджака, второй рукой поправил ему галстук:

– Откуда дровишки?

– Паша, ну что мы против тебя? – Лозянко отстранился.

Астахов, стараясь унять дрожь в руках, достал бумажник, вынул пять рублей, положил Игорю в верхний карман пиджака:

– Найми извозчика.

– Благодарю, барин. – Лозянко поклонился.

К соседней машине подошли Кахи Ходжава, Арнольд Гутлин и Сергей Усольцев. Усольцев слышал последнюю фразу Астахова и потому, тронув Лозянко за плечо, сказал:

– Садись к нам, Игорек. Не ищи приключений.

Гутлин сел за руль «Жигулей», Ходжава рядом, Сергей Усольцев распахнул заднюю дверцу.

Лозянко медлил. Астахов пожал плечами, начал было обходить «Волгу», чтобы сесть за руль. Неожиданно Нина легко выскочила из машины, поцеловала Лозянко в щеку, взяла под руку и повернулась к Астахову спиной.

– Поехали, Игорь!

– Поехали. – Лозянко тоже поцеловал Нину, вынул из кармана деньги, скатал в комочек, выпелкнул в сторону Астахова. – Купи себе минералки, чемпион!

Но сесть в машину Нина с Игорем не успели, так как рядом, взвизгнув тормозами, остановились «Жигули».

– Тихо! – буквально рывкнул сидевший за рулем Краев, перегнулся, распахнул заднюю дверь: – Нина!

Вера Темина вышла из машины, уступила свое место.

Нина прижималась к плечу Лозянко:

– Мы не на стадионе, Олег Борисович...

– Ну! – повысил голос Краев.

– Выпусти пар, Олег, – тихо сказал сидевший на переднем сиденье Кепко, взглянул на Нину. – Сядьте в машину оба.

Нина с Лозянко подчинились, и Краев, говоря нехорошие слова, вырулил со стоянки на шоссе.

Уехал и Усольцев со своими друзьями. Милицейская «Волга», мелькнув красным «галстуком», тоже ускользнула по шоссе за поворот.

Павел Астахов стоял около своей машины, задумчиво склонив голову набок. Вера Темина заняла место на переднем сиденье и, чтобы не смущать Павла, открыла сумочку и занялась косметикой. Павел опустил на корточки и на жирном, поблескивающем мазутными пятнами асфальте нашел смятую пятерку.

С минуту они ехали молча, затем Павел сказал:

– Я в прыжках не дока, но во время разбега ты закрепощаешься, подай плечи вперед, расслабься.

Вера посмотрела на его жесткий профиль и ничего не ответила.

Гуров сидел рядом с Серовым на заднем сиденье «Волги» и, не слушая подполковника, решал вопрос, как бы, не обидев человека, побыстрее распрощаться с ним, перекусить и остаться в гостиничном номере одному.

«Волга» остановилась у гостиницы, они вышли.

– Может, вместе поужинаем? – предложил Серов.

Пока Гуров подыскивал вежливые слова для отказа, подполковник глянул из-под припущих век, все понял, протянул руку:

– Бывай, Лев Иванович. Земля круглая, вертится. Может, и я тебе когда пригожусь. Не сходишься, что тыкаю?

– Пустяки, Борис Петрович, – Гуров пожал его мягкую ладонь. – Счастливого оставаться.

– Давай! – Серов хлопнул его по плечу. – Машина придет за тобой в шесть тридцать, не проспай. – Кивнул и сел в «Волгу».

Гуров проводил ее взглядом.

Из остановившихся «Жигулей» выскочили трое молодых мужчин, которые тоже были в аэропорту. Над чем-то подшучивая, они вместе с Гуровым вошли в вестибюль и решительно направились к дверям ресторана, игнорируя табличку «Закрито».

Гуров мог предъявить удостоверение, и его бы не обидели, покормили. Но он решил быть проще и пристроился у двери за спинами аборигенов.

Швейцар со строгим неподкупным лицом приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы гость смог просунуть руку и положить ему в карман купюру.

– Сережа, только для тебя. – Швейцар распахнул дверь, пропустил Усольцева, Гутлина, Ходжаву и державшегося у них в фарватере Гурова.

Гуляла молодежная свадьба. Все как у людей. Невеста в белом, сам в темном и при галстук. На свадьбе они едины, как, может, не будут уж никогда в жизни. Они устали, отбывают последний номер программы, ждут не дождутся конца, чтобы занавес наконец упал. Скорее домой, закрыть за собой дверь, остаться вдвоем.

Столы стояли буквой П, занимая половину зала. Другая половина была освобождена для танцев, лишь в дальнем углу притулились два столика. За одним сидела пожилая пара, видимо, хорошо известная в Городе, так как многие из танцующих с ними почтительно раскланивались. Второй столик был сервирован так, на всякий случай. Видимо, швейцар знал, что Сергей Усольцев, а главное, сопровождавший его Кахи Ходжава – «случай» подходящий.

Гуров все понял, сел не стесняясь, сказал:

– Извините, сейчас уйду. Возьму с собой в номер.

– Сиди, – разрешил Усольцев. Посмотрел на спутников, кивнул на швейцара: – Дядя Володя своего не упустит!

Сергею Усольцеву еще не исполнилось тридцати. Когда-то в спорте он подавал надежды. Чтобы надежды не сбылись, существует множество причин, перечислять их долго. Усольцев в спортивном сообществе остался, двинулся по административной части, стал начальником, не большим, но и не маленьким. В последние годы он приобрел брюшко и апломб, лицо и жесты его округлились. Но за этой внешней округлостью проглядывала натура жесткая, хотя среди спортсменов Усольцев слыл парнем свойским и незлобивым.

Его однокашник Арнольд Гутлин мечтал стать спортсменом, дальше второго разряда по шахматам не пошел, защитил кандидатскую, получил лабораторию. Умница, специалист в своей области, он обладал двумя недостатками. Самоуничижаясь, Арнольд преклонялся перед атлетами и стремился всем и каждому услужить. После работы он возил Усольцева на своей машине, катал по городу каких-то неизвестных людей и чужих девок. Вернувшись за полночь домой, писал научные статьи, а рано утром... начинался новый день.

Отец, деды и прадеды Кахи Ходжавы работали от зари до зари. В вино, которое создавал род Ходжава, можно было утопить стадо слонов, в пролитом этими грузинами поту можно было бы выкупать взрослого мужчину.

Предки Кахи были мудры и трудолюбивы. Дед к восьмидесяти годам научился читать, отец в свое время окончил семилетку. В роду Ходжавы были виноградари, пекари, воины, мудрецы – Кахи должен был открыть двери в науку.

На семейном совете рассудили, что Тбилиси, Москва, Киев – слишком большие города для простого деревенского парня, они развратят его.

В Городе жила двоюродная сестра дяди, судьба Кахи решилась просто.

Кахи учился – так он писал домой. Деньги, по крайней мере, присылали на учение. Деньги в семье были.

Ничего о своих соседях Гуров не знал. Но что Сергей Усольцев в компании лидер, а Кахи и Арнольд при нем, старший инспектор определил с одного взгляда.

Неторопливо, шаркая туфлями без задников, подошла официантка. Фартучек, задуманный как нечто кокетливое и белоснежное, последнее время не стирали.

– Привет, мальчики. – Она открыла блокнот.

Гутлин улыбнулся, Усольцев сказал:

– Салют, Светик! Сегодня распоряжается Кахи. – И кивнул на кавказца.

– Сегодня? – Официантка дернула плечом.

– Красавица, принеси нам... – Активно жестикулируя, Кахи начал делать заказ.

Слушая заказ, Гуров рассудил, что тоже с удовольствием закусил бы икрой и лимончиком, не отказался бы от осетрины на вертеле. И чтобы рядом сидела Рита, только непременно в хорошем настроении.

Официантка записала заказ, собралась уходить. Гуров сказал:

– Простите.

Девушка взглянула удивленно:

– Вы отдельно?

– Две бутылки минеральной воды, – сказал Гуров. – Две порции ветчины... Хлеб. Бутылку пива. Я все беру в номер.

– Зачем ветчина, зачем в номер? – Кахи развел руками. – Обижаешь. Сиди. Кушай. Все будет.

– Кахи! – остановил его Усольцев. – Человек в командировке, устал. – Он попытался улыбнуться Гурову: – Кавказ, уж извините.

Лева заметил, как болезненно дернулся и задрожал у Усольцева подбородок, и подумал: «Зубы болят, наверное». Тот почувствовал взгляд, неверным соскальзывающим движением начал стряхивать с пятнистой скатерти хлебные крошки, затем нарочито медленно поднялся, так же медленно поставил на место свой стул и, ничего не сказав, пошел к выходу.

Гуров взглянул на его неестественно негнущуюся спину – так держатся сильно выпившие перед тем, как превратиться в пьяных.

«Странно, – удивился Гуров, – ведь парень абсолютно трезв».

Усольцев вернулся минуты через три, на ходу вытирая платком лицо, беспричинно рассмеялся и сказал:

– Действительно, а почему бы вам не поужинать с нами? Одиночество командированных – штука неприятная, по себе знаю.

– Спасибо, – Гуров кивнул. – Хочется лечь пораньше.

– Ну, была бы честь предложена, – легко, без обиды согласился Усольцев и озорными глазами оглядел свадьбу. – Мужики, у всех женщины, а мы словно двоюродные. Пойду звякну. – Он снова поднялся, но теперь легко и непринужденно, и зашагал к выходу.

Гуров ждал, пока принесут заказ. «Счастье – в выполнении желаний, – думал он, – пусть самых обыденных. Сейчас я пойду в номер, выпью пива, закушу бутербродом, позвоню Рите. Завтра Москва».

Конечно, старший оперуполномоченный МУРа – человек привычный к расчетам и составлению планов. Но он только человек.

Убийство, которое обрушится на Город через сорок минут, уже предрешено.

И Гурову завтра в Москве не быть.

Старший оперуполномоченный МУРа Лев Гуров

Секретарша Турилина перестала печатать, внимательно посмотрела на Гурова, на милом виде лице ее появилась улыбка. Вытащила из ящика стола гребешок, протянула:

– Пригладьте хохолок, майор. Неприлично.

– Все цветешь, Света. – Гуров провел гребешком по макушке, взглянул на массивные, выступающие из стены, словно бабушкин шкаф, двери.

– Он один, – сказала Светлана. – На личном фронте без перемен?

Гуров взглянул на девушку, театрально вздохнул:

– Где были мои глаза, куда я смотрел? – Он нажал на бронзовую ручку и вошел в дверешка шкафа.

А действительно. Куда смотрел? Была такая Светочка с фарфоровой мордашкой и тонкими губами сплетницы. Вышла замуж – в глазах доброта не просыхает, в приемной светлее и теплее стало, даже машинка теперь не сухими пулеметными очередями встречает, а быстрым теплым постукиванием приветствует.

Перешагнув порог, Гуров вытянулся, хотел уже произнести заготовленный экспромт-поздравление, но Константин Константинович, прижимая плечом телефонную трубку, указал на кресло.

Гуров не любил это огромное кожаное кресло. Оно было низкое и мягкое, стояло напротив огромного, во всю стену окна. Опустившись в это кресло, человек сразу терял инициативу и, шурясь от яркого света, оказывался как бы на операционном столе. И сделал то, что мог себе позволить лишь человек, бывавший в этом кабинете часто и знавший хозяина хорошо: он взял стул от стола заседаний и переставил его, сел спиной к окну.

Константин Константинович долго слушал абонента, отвечая лишь короткими репликами. По тому, как поднялась и опустилась лохматая бровь начальника, Лева понял, что его маневр не остался незамеченным.

Гуров работал с Константином Константиновичем Турилиным немногим меньше десяти лет и знал его хорошо. За эти годы подполковник Турилин поднабрал седины, а вчера ему присвоили звание генерала. По этому поводу было сочинено четверостишие, но произнести его можно было лишь здороваясь, а теперь, как говорится, поезд ушел. Генерал вызвал к себе майора, и шуткам в кабинете уже не было места.

Гуров бывал порой стеснительным, но никогда не был робким, однако в этом кабинете всегда внутренне закрепощался. Что так действовало, неизвестно. То ли длинный стол для совещаний под конвоем прямых стульев молча намекал: мол, здесь сживают люди не тебе ровня, укороти шаг, говори тише. Возможно, телефоны, настороженно молчавшие на отдельном столике, напоминали готовую к залпу артиллерийскую батарею, и человек, чувствуя их готовность, старался быть предельно кратким. В общем, кабинет Константина Константиновича обладал загадочной способностью все уменьшать: и проблемы, и речи. Или просто в этом кабинете люди и события приобрели свой действительный объем и вес?

Сегодня Гуров себя чувствовал относительно вольготно – он ничего отстаивать не собирался. Генерал звал, майор явился.

Турилин, как все розыскники, редко носил форму и сегодня был в темном костюме, светлой рубашке со строгим галстуком. Генеральского мундира увидеть не удалось.

Константин Константинович сказал:

– Спасибо, до свидания, – и повесил трубку.

Гуров поднялся и чуть напыщенно произнес:

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

Турилин оглядел Гурова, подумал о времени, которое неумолимо. Вот и Лева Гуров – не худенький синеглазый юноша, краснеющий по любому поводу. Плечи развернулись, глаза из васильковых стали темно-синими, хотя сейчас и не разберешь: спиной к окну сел, кресло не любит.

– Здравствуйте, Лев Иванович. – Турилин старался отодвинуть от себя неприятный телефонный разговор, сосредоточиться. Нашел среди бумаг конверт, протянул Гурову.

Год назад в Москве было совершено два разбойных нападения. Уголовное дело вела прокуратура, розыскным занималась группа Гурова. Хвастаться успехами не приходилось. Приметы преступников, как выражаются розыскники, были нормальные, то есть возраст – от двадцати до сорока, рост – средний, телосложение – нормальное, волосы русые. На месте преступления оставлены две гильзы от пистолета «ТТ».

Документ, который держал в руке Гуров, был заключением баллистической экспертизы: из пистолета, который разыскивал майор Гуров, убили еще двух человек. Разбойные нападения были совершены далеко от Москвы, за Уралом.

Когда два умных человека знают друг друга давно, порой это разговора не облегчает: неудобно произносить вещи очевидные. Задавать риторические вопросы тоже глупо.

Гуров понимал, что Константин Константинович не только информирует его о происшедшем, но хочет знать, что он, майор Гуров, собирается теперь предпринять. Ужав свой ответ до минимума, Гуров сказал:

– Надо подумать, товарищ генерал.

Турилин поморщился:

– Считаю, что я и твои поздравления принял, и прекратим. – Он помахал перед лицом, будто Гуров курил и дым раздражал генерала. – Думай вслух.

Гуров покосился на притаившийся телефон, словно выискивая аргумент.

Турилин знал, что Лева любит расхаживать по кабинету.

– Можешь встать и побегать, если иначе у тебя застой мысли. – Он откинулся на спинку кресла, незаметно потянулся.

Гуров легко поднялся, прошелся по ковру, чиркнул пальцем по столу заседаний, но вензеля не получилось, на столе не было ни пылинки.

– Конечно, следователь прокуратуры и я кое-что накопили... Однако... У меня это дело, к сожалению, не единственное. Конечно, лучше было бы ознакомиться с обстоятельствами лично, но лететь туда или нет, я решить не могу. Будет результат, не будет? Вы много от меня хотите, Константин Константинович. Я не гений, я только учусь.

– Что не гений, согласен. Собирайся в командировку. Отвези заключение в прокуратуру, получи задание от следователя. Возможно, он тоже вылетит. – Турилин улыбнулся и без всякого перехода спросил: – Как ты живешь, Лева?

– Живу. – Гуров соорудил гримасу, должную обозначать, что он доволен не слишком. – К Москве давно привык. Если честно, обратно не тянет. Вспоминаю, конечно.

– Ты когда Крошиным по ипподрому занимался, с наездницей познакомился. – Турилин задумался. – Нина, фамилию запомнил...

– У нее сын в школу ходит. В прошлом году приезжала с мужем, виделись.

– Потом у тебя еще интересная девчонка была. – Турилин сдержал улыбку. – Когда ты убийство писателя раскрывал...

– Извините, Константин Константинович, – перебил Гуров. – За время моей работы у меня шестое убийство в производстве.

– Надо же такую фразу сконструировать: «убийство в производстве»! Ты, Лева, когда женишься? Тебе тридцать три? Христа уже распяли, а ты жениться не можешь.

– Меня с этим вопросом дома достают, Константин Константинович. – Лева взглянул на телефоны с надеждой, вспомнил, что они переключены на секретаря, и спросил: – Разрешите идти?

– Разрешаю. Кто-то сказал, что мужчина складывается из мужа и чина. Так что ты, майор, пока что половинка.

– Половинка отправилась в прокуратуру, – буркнул Гуров. – Разрешите идти?

– Разрешаю. – Турилин кивнул.

Гуров вернулся в свой кабинет раздраженным. Дело не в командировке. Он чувствовал вину перед Турилиным. Словно первый ученик, которого вызвали к доске, а он не может решить простую задачу. Позвонил домой.

Отец находился в командировке, мама в подмосковном санатории, в квартире хозяйничала семидесятипятилетняя Клава. Сколько он себя помнит, дома родители или нет, в стенах квартиры Клава – единственный властитель и диктатор.

– Клава, не ругайся, пожалуйста, – быстро сказал Гуров. – Я иду домой, значит, буду минут через сорок.

– Премного благодарна, сударь. – Голос у Клавы был молодой, она и выглядела значительно моложе своих лет. – Это очень даже любезно с вашей стороны. – С возрастом Клава стала тяготеть к изысканно-высокопарным оборотам.

Но Лева был не лыком шит, за тридцать с лишним лет определил слабые места противника и мягко пошел с козырей:

– Клава, с моей стороны свинство, но я голоден как волк. Отца с мамой нет, жрать, конечно, нечего, сделай яичницу из ста яиц. – Ему показалось, что на другом конце провода раздалось довольное урчание. – И вскипяти мне литр молока, необходимо выпасться, а без горячего молока не сон, ты же всегда учила...

– Давай, давай, Спиноза! – Клава бросила трубку.

Почему-то старая домохозяйка высшим мерилем дипломатической хитрости считала именно Спинозу. Всякие попытки разубедить ее успеха не имели.

Обеспечив себе радушный прием, он пошел по бульварам в сторону Никитских ворот, а там по Герцена до зоопарка, и, считай, дома. Машину ему бы дали без звука, но Лева хотел пройтись. Горячее молоко, конечно, способствует, но, хотя ночь продежурил, сейчас можно и не заснуть. Мысли нехорошие выползают, начинают дергать за невидимые ниточки, усталость есть, а сна нет.

Он прошел под улицей Горького, зашагал по Тверскому бульвару. О командировке не думать! Интересно, как выглядел Тверской бульвар сто лет назад? Для человека сто лет – вечность. А для бульвара? Какие были тогда скамейки, фонари? Тогда в двенадцатом часу дня здесь тоже целовались?

Гуров, проходя мимо влюбленных, отвернулся.

А у Риты губы свежестью пахнут. Почему генерал вдруг заговорил о ней? Все помнит, а вот Лева хорошей памятью похвастаться не мог.

Девушку, за которой Гуров сейчас ухаживал и на которой собирался жениться, как только решит вопрос с квартирой, звали Рита. Несколько лет назад, когда она была почти совсем девчонкой и жила с Гуровым в одном доме, Рита называла себя Марго. Тогда, сто лет назад, хорошенькая взбалмошная девчонка бегала, как говорят мальчишки, за Гуровым. Она являлась к нему чуть ли не каждый день и претендовала на внимание, все время чего-то требовала. Рита нравилась Гурову. Но ему многие девушки нравились.

Неожиданно Рита исчезла. Сначала Гуров этого не заметил, позже выяснилось, что семья их переехала куда-то в Сокольники. Гуров поскучал с неделю, ведь и к кошке привыкаешь, хотя от нее одна морока, и забыл.

Весна – опасное время года для холостяков, а для женатых мужчин особенно. И не потому, что ручейки журчат и сирень-черемуха цветет. Поздней весной, когда становится тепло, женщины снимают с себя пальто, плащи, косынки и шляпки, сапоги и тяжелую обувь и приподнимаются на высокий каблук. Все прелести женщины не будем перечислять, мужчины их знают.

Наступит лето, девчонки будут разгуливать в майках, не обремененные лишними деталями белья, и в шортах. Но слишком много – тоже нехорошо, мужчины попривыкнут и перестанут обращать внимание. Опасна весна, когда женщина, почувствовав свою силу, словно прикоснувшийся к земле Антей, становится непобедима. В глазах ее, широко и лживо смотрящих сквозь мужчин, тоска, веселье, счастье, грусть и тайна. Тайна – это последний гвоздь, которым прибивают мужчину к кресту.

Старший оперуполномоченный МУРа, майор милиции – говорят, что талантливый сыщик, – Лев Иванович Гуров в конце мая беспечно вышел на улицу, свернул за угол и налетел на нож, который, пронзив мгновенно, застрял под сердцем. Перехватило дыхание, ноги куда-то исчезли, воздух материализовался и заблестел, казалось, что он рвется перед глазами, словно тончайшая ткань.

– Гуров! – Рита всегда звала его по фамилии. – Ты совсем не изменился, разве что поглупел. В определенной дозе глупость тебе к лицу. Исчезают твои противные напыщенность и значимость.

Рита взяла Гурова под руку, «случайно» прикоснулась к нему бедром, пошла рядом, беспечно щебеча, якобы не замечая своей мгновенной победы, втайне упиваясь ею и мечтая о мести.

Тридцать мужчине или тридцать три – в принципе, нет разницы. Женщина, перешагнувшая свое двадцатилетие и разменявшая третий десяток, это... С чем бы сравнить? Представьте себе салажонка, прибывшего в морской учебный отряд. Бритая голова болтается на худенькой шее, светящиеся уши-лопухи, сутулый, с болтающимися без дела руками. Через три года с трапа корабля спускается старшина первой статьи. Упругой, мягкой походкой идет он по пирсу в жизнь. Развернуты широкие литые плечи, гордо посажена голова, чуть прищурены немигающие глаза, на лице обманчивая мягкая улыбка.

Гуров и Рита встретились минувшей весной. В жизни за все приходится платить. Рано или поздно. Жизнь призвала Льва Гурова к ответу двадцать восьмого мая в девять часов семь минут.

Почему он, неразумный, не женился? Хотя бы на секретарше Турилина? Растил бы сына, спешил вечером домой, был бы относительно защищен.

Он вообще был максималист, в вопросе семьи особенно. За завтраком смотрел на отца с матерью, следил за их взглядами, осторожными прикосновениями, ласковыми улыбками. В тысячный раз удивлялся их бесконечным звонкам друг другу в течение дня. «Ты обедал? Нет? Я просто так». – «Ты устала? Я задержусь на час». – «Не торопись, побудь с мужиками, тебе это надо». За тридцать пять лет друг от друга ошалеть можно. Отец с матерью и шалели, они любили друг друга тридцать пять лет. Решил – только так. Либо все, либо ничего.

С другой стороны, травмировали друзья-ровесники. Некоторые женились по второму разу, один ухитрился уже оставить двух жен, каждую с ребенком, и звал Гурова на новую свадьбу.

Ну не то чтобы все без исключения так, исключения встречались. Редко. В мужских компаниях бесконечные, однообразные, как клише с одной матрицы, разговоры: зарплата, заначка, казарма. Самое пристойное упоминание о жене – «моя» либо «сама». Развернутую по данному вопросу полемику в «Литературке» Гуров просматривал без интереса. Прав он был или не прав, Гуров прямолинейно считал, что счастье свое, любовь свою человек носит в себе и помочь ему извне нельзя. Существовал другой вопрос, непосредственно связанный с любовью

и счастьем. И здесь людям было не только можно, а необходимо помочь. Как именно, в какой форме, Гуров не знал. Вопрос этот – половая жизнь, в быту именуемая постелью, – считался под запретом. О нем говорили в троллейбусах и метро, в театрах и за столом в форме анекдотов, сплетен и грязной похвальбы.

Старший оперуполномоченный Гуров был убежден, что физическое взаимоотношение полов не вопрос, а проблема. Гуров не предполагал, он, как профессионал, занимающийся не только розыском преступников, но и исследованием первопричины преступления, знал, что замалчивание данной проблемы не устраняет ее, а влечет за собой более чем тяжкие последствия.

Если отбросить необъяснимую для природы стыдливость, по мнению Гурова, ханжество, то отсутствие у нашей молодежи полового воспитания порой приводило к следующему.

После, допустим, шестнадцати лет, когда природа уже объяснила девушкам, что они отличаются от мальчишек не только прической и тембром голоса, а мальчишки, в свою очередь, стали обращать внимание на девчоночьи ноги и грудь, физическое влечение их друг к другу начинает неумолимо расти.

Он выбрал Ее. Она выбрала Его. Они встречаются, ищут уединения. Правильно это или неправильно, но в конце концов Он и Она оказываются в постели. Обнаженными! Родители ушли в кино или театр, часы тикают, бьют по нервам. Ни Он, ни Она ничего не знают, ими руководит инстинкт. Но нервы, нервы, время, страх, чувство вины, и Он оказывается несостоятельным. Вот Он и шагнул на первую ступеньку лестницы, которая ведет вниз и может привести... Инспектор Гуров знает, куда она может привести.

В Нем зарождается сомнение, неуверенность, и ситуация повторяется. К кому пойти, с кем посоветоваться? Он счастлив, если его отец – Мужчина с большой буквы и взаимоотношения позволяют... А если нет? К товарищу? Как можно? Он слушает хвастливое непотребное вранье своих приятелей и знакомых и замыкается на себе. Он не такой, как все! Он урод!

Много восклицательных знаков? Это кровью надо писать, а не расставлять значки.

Я не такой, как все? Я урод? Природа меня обделила в главном? Да-да, существует возраст, когда ни ум, ни мужество, ни преданность и ничто на свете не главное...

Злость, отчаяние, бешенство. Он перестает контролировать свои слова и поступки.

Он сидел у Гурова в кабинете, когда было уже поздно. Случалось, что совсем поздно, потому что люди заплатили за его отчаяние жизнью. Суд вынесет приговор, который отнимет у него его несостоявшуюся жизнь.

Она до такой крайности не доходит. По крайней мере, Гуров подобного не встречал. Разочарование в физической близости с мужчиной приводит к тому, что женщина не просыпается в ней. Она остается фригидна. Выходит замуж, рождает и превращает мужа в зарплатоносителя. Вечером, в постели, она говорит: «Отстань», «У тебя одно на уме». Муж отстает, однако он мужчина. Семья перестает существовать. Интересно, в чем виноваты их дети? Мужчина уходит, платит или не платит алименты. Она пишет письма в редакции. Мужчина ей не нужен, нужен отец ребенку и деньги. На страницах газет полемика. Конечно, о том, что знает Гуров, в ней ни слова. Есть вещи, о которых воспитанные люди не пишут. Гуров в полемике не участвует, знает, что где-то встретились Он и Она, их счастье и жизнь в опасности. Им надо помочь, к неизбежной встрече необходимо подготовить. Как это сделать, Лева не знает, у него другая профессия, он убежден: сегодня в нашей жизни все должны решать Профессионалы.

Мы заботимся о нравственности, образовании нашей молодежи, рассуждал Гуров, подходя к своему дому. В здоровом теле – здоровый дух. Здоровье не только спорт, но и продолжение рода человеческого.

Лететь в командировку Гурову не хотелось. Неожиданной была реакция прокуратуры. Следователь, узнав о разбойном нападении в Городе, о том, что был использован пистолет, разыскиваемый по разбою в Москве, восемь дней назад сказал:

– Летим, Лев Иванович, летим.

Время шло, ведь стреляную гильзу отправляли в Москву из Города. Затем провели экспертизу.

В общем, когда следователь прокуратуры и Гуров прилетели, в Городе произошло еще два разбоя – были убиты два инкассатора и один сотрудник милиции. Все сотрудники областного управления, отделений милиции работали круглосуточно с небольшими перерывами на сон. Прибытие следователя и Гурова в такой ситуации казалось не только ненужным, даже смешным. Что могли решить еще два человека?

В конце концов критическая ситуация разрешилась в течение суток. Банда из трех человек была вскоре задержана. И немалую роль в этом сыграл Лев Иванович Гуров. Труд десятков, даже сотен людей принес свои плоды, удача же выпала именно Гурову. Среди несметного количества опрашиваемых людей Гурову попался человек, который, сам того не ведая, навел на след машины преступников. При нападениях они использовали угнанную машину, потом пересаживались на свою. Именно эту машину видел случайный свидетель, о чем и сказал Гурову. Все дальнейшее происходило не то чтобы просто, но для милиции привычно. Через несколько часов преступники находились в изоляторе. За дело взялись следователи.

Когда сумму захваченных денег разделили на количество месяцев, которое преступники затратили на подготовку и осуществление своих замыслов, то выяснилось, что их «средне-сдельная» составляет шестьдесят четыре рубля тридцать копеек в месяц.

Поистине прав классик: трагическое и смешное порой существуют рядом.

Итак, все кончилось. Гуров, случайно или не случайно, со своей задачей справился. Завтра Москва. Он сидел в гостиничном номере, разместив на столе ужин. Ветчина оказалась жирной, а пиво теплым. Если бы Гуров хоть немножко разбирался, то без труда определил бы, что пиво к тому же и позавчерашнее. Он не разбирался. Выпил, закусил, запил водой, которая, прежде чем ее разлили по бутылкам, была минеральной, и начал звонить Рите.

Они решили пожениться. Вернее, решил Гуров и пошел к своей цели кратчайшим путем, по прямой. Он виделся с Ритой каждый день, встречал, провожал, дарил цветы, говорил слова. Он не изобрел велосипеда, не придумал пороха, шел тропой предков. А они мудры, наши предки. Рита бушевала, пыталась вырваться, освободиться. Но тут ее женские уловки не проходили.

Гуров был профессионалом, работа научила его: если есть шанс, один из тысячи, ты не побежден. Он мог беседовать с человеком о получасовой поездке в течение трех-четырех часов, заставить вспоминать, вытаскивать из подсознания такое, о чем человек, казалось бы, и не знал.

В подсознании Рита мечтала выйти за Гурова замуж. Не отдавая себе отчета, она сопротивлялась яростно. Почувствовав свою силу и власть, желала в первую очередь отомстить. За то, что было три года назад, за свои унижения, за его надменность, снисходительность и холодность. Она желала унизить Гурова, посмотреть, как он мучается.

Игре этой вчера исполнилось десять тысяч лет. Но в том и завораживающая прелесть любовной истории, что, сыгранная людьми миллиарды раз, она в каждом исполнении уникальна, самобытна.

Наконец Гуров соединился и услышал любимый голос:

– Здравствуй, Гуров. Я рада, что ты выбрал время. Что ты хочешь мне сказать? Только, ради бога, не повторяйся.

И даже эта манерность, которой Рита пыталась ужалить, за тысячи километров казалась милой и естественной.

– Ни за что не угадаешь, что я сейчас делаю, – глупо улыбаясь, сказал Гуров.

– Очень мне интересно, умираю от любопытства, – продекламировала Рита и тут же спросила: – Так что ты делаешь?

Будь женщина логична и последовательна, каким бы образом она сводила мужчин с ума?

– Я сижу в номере один и пью пиво! – радостно сообщил Гуров.

– Ты врешь, Гуров. А чем ты закусываешь?

– Я вру только в крайнем случае, – назидательно сказал Гуров и тронул пальцем скользкий кусочек ветчины. – Закусываю свиной, которая умерла в старости от ожирения.

– Врешь, Гуров. Ты вообще не пьешь, тем более в одиночку. Она хотя бы красивая? Как ее зовут?

– Не говори глупости! Позвони моим, завтра я буду в Москве. В двенадцать на нашем месте.

– В двенадцать ты будешь на Петровке, Гуров.

– Рита, я говорил, что люблю тебя?

– Не повторяйся...

– Прилечу, запишу на магнитофон...

– За звонок я целую тебя. Не зазнавайся, отберу обратно. – Рита рассмеялась и чужим механическим голосом продолжала: – Ваше время истекло, кончайте разговор... Кончайте разговор. Целую, – и положила трубку.

Гуров глотнул пива, бросил на кровать чемодан, стал собирать вещи. Завтра Москва...

Раздался стук в дверь.

Лев Иванович Гуров слыл в МУРе человеком, способным предвидеть опасность. Однако самоуверенность, рожденная ощущением счастья и удачи, подводила и более опытных, и он весело сказал:

– Попробуйте войти!

Дверь открылась, на пороге застыл сержант милиции:

– Здравия желаю, товарищ майор. Товарищ подполковник просит вас... заглянуть, буквально на несколько минут. Здесь рядом, машина у подъезда.

Убийство

Оперативная группа вошла в квартиру в двадцать два пятьдесят. Гурова привезли из гостиницы одновременно с экспертами.

Человек лежал навзничь, даже беглого взгляда было достаточно, чтобы уяснить – покойник. Однако первым к нему подошел врач, опустился на колени.

Убит был Игорь Лозянко, которого Гуров видел на аэровокзале. Гуров болезненно поморщился, обошел нетерпеливо повизгивающую овчарку, вернулся к лифту, который тут же открылся. Из него вышел следователь прокуратуры, взглянул вопросительно. Гуров кивнул и посторонился, следователь коснулся его плеча участливо, словно перед ним был не профессионал, которого ждала работа, а близкий родственник погибшего. Со следователем Гуров работал два дня назад. Николай Олегович был опытным юристом, человеком спокойным, вдумчивым. Они симпатизировали друг другу.

Гуров проводил следователя взглядом, остался на площадке – в квартире ему было делать нечего. В ближайший час все будет происходить с четкостью отлаженного механизма.

Врач установит факт смерти. Овчарка возьмет след, потыркается у лифта, начнет метаться у подъезда и, виновато поджав хвост, уедет в сопровождении обиженного проводника. Эксперт НТО, сверкая вспышкой, сделает достаточное количество снимков, затем распакует свой универсальный чемодан и постарается выжать из неодушевленных предметов информацию. Начнет со стола, чтобы следователь мог сесть писать протокол осмотра. Следователь опишет, как лежит тело, и многое другое. Он будет писать долго и подробно.

Из соседней квартиры вышел оперуполномоченный Боря Ткаченко, провел понятых. Видимо, муж и жена; наверное, они уже легли спать. Мужчина, шлепая тапочками, подтягивал на округлом животе тренировочные брюки, женщина одной рукой застегивала халат, другой пыталась причесаться.

Гуров с удовлетворением отметил, что Ткаченко, поддерживая женщину, в чем она несколько не нуждалась, тихо и спокойно ей что-то говорит, и голос у лейтенанта ровный, уверенный.

Еще в машине Гуров узнал, что тридцать минут назад дежурному по городу позвонил неизвестный и сообщил, что по данному адресу лежит труп. У Гурова с языка чуть не сорвалась циничная фраза: «Ну и что? Работайте, вы за это зарплату получаете». Однако удержался. Сержанту приказали, он выполняет. «Встретимся с подполковником, поговорим», – решил Гуров и задремал. Когда приехали, Гуров потер лицо ладонью, с раздражением подумал, что согласился напрасно.

Можно сколько угодно ругать себя и убеждать в чем угодно, а профессиональные, выработанные годами навыки подталкивают на привычную тропу.

В большинстве случаев тело обнаруживают родственники погибшего либо соседи, и он ожидал, что на лестничной площадке будут шушукаться, толкаться люди. Однако здесь никого не было. Дверь квартиры не заперта, лишь прикрыта, ключ торчит изнутри. Значит, кто-то вошел, увидел, вышел и позвонил, скорее всего из автомата. Ни ждать приезда, ни назвать себя человек не пожелал – видимо, не хочет «попадать в историю».

Гуров гнал от себя эти мысли. Защищать людей от самих себя и друг от друга Гуров обязан, но данный случай его не касается.

Хотя он провел в квартире всего несколько минут, обстановка наводила на мысль, что человек жил один. Не факт, но скорее всего так и окажется.

Лева прислонился к подоконнику, оглядел лестницу, площадку, двери соседних квартир. Неужоженно, небогато, но и не загажено – так, серединка на половинку. Он припомнил обста-

новку в квартире: мебель безликая; вот магнитофон, стереоколонки, проигрыватель запомнились.

Если машина сломалась, не заводится и к ней подходит профессионал, то первые свои действия он проделывает чисто механически – не думая, идет от простого к сложному. К примеру, проверяет, есть ли в баке бензин.

При выезде на место преступления тоже есть строгая очередность действий, начало проходит автоматически. Закончится осмотр, все будет зафиксировано. Первые шаги розыскников тоже предопределены многолетним опытом. И Гуров знал, с чего подполковник завтра начнет. Выяснение личности погибшего, его родственников и иных связей, опрос жильцов дома, жителей близлежащих домов. Никакой тут новейшей техники, никакой хитрости. Ноги и терпение, терпение и ноги. Однако разговаривать с людьми, быть дотошным, но не надоедливym, уметь расположить к себе человека, сделать его соучастником поиска – большое искусство.

На лестничную площадку вышел врач. Они знали друг друга, уже вместе работали. Гуров ничего не спросил, несколько демонстративно отвернулся.

Врач быстро закурил и после нескольких затяжек сказал:

– Факты. Удар был нанесен сзади твердым предметом, не имеющим острых краев. Смерть наступила мгновенно, примерно около часа назад. Предположительно: убийца выше среднего роста, крепкого сложения. Возможно, ударил бутылкой.

– Спасибо, доктор. – Гуров сдерживал раздражение. – Вы не знаете, где подполковник Серов?

Врач взглянул удивленно, вопрос был явно не по адресу. Из квартиры вышел оперуполномоченный Ткаченко и почему-то шепотом доложил:

– При поверхностном осмотре квартиры орудие убийства не найдено.

«Серова нет, но ты его коллега и ты на месте, значит, должен». Гуров сосредоточился:

– Пройдись по квартирам, извиняйся через каждое слово, выясни, кто приходил либо уходил из дома в период от девяти тридцати до десяти. Всех переписи, возьми рабочие и домашние телефоны, утром будешь их опрашивать подробно. Боря, сейчас ночь. Завтра у людей рабочий день, ты меня понял?

Гуров взял его за лацкан пиджака, заглянул в лицо, подождал, пока не встретился взглядом, лишь потом добавил:

– Боря, это твоя работа.

Ткаченко кивнул, начал спускаться по лестнице, остановился, хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой.

Врач, который молча курил у окна, взглянул на Гурова, усмехнулся:

– В строгости держите.

– В сознании, – ответил Гуров и заставил себя вернуться в квартиру.

Тело прикрыли пледом, понятые сидели рядышком на диване, по-ученически положив руки на колени. Следователь быстро писал, эксперт укладывал свой чемодан.

Следователь поднял голову, указал взглядом на дорогой стереомагнитофон. Гуров понял и кивнул. Стоявшую на виду дорогую вещь не взяли, значит, мотив убийства – не ограбление. Хотя это и не факт. Возможно, взяты деньги либо валюта.

Лева с экспертом вышли на кухню.

– Множественные отпечатки пальцев, в основном – убитого, – сказал эксперт. – Есть несколько женских пальчиков. В столах ни одна дверца не взломана, да ни одна и не запирается.

– Почему входная дверь не захлопывается? – спросил Гуров.

– Заметили? Вы дока, майор, – усмехнулся эксперт. – Людям часто надоедает, что дверь захлопывается, когда у них ключей в кармане нет. К соседям идти за топором приходится. В общем, это не по вашей части.

Эксперт был прав, но Гуров упрямо продолжил:

– Защелкнут на предохранитель?

– Угадали. – Эксперт злился, что москвич лезет не в свое дело.

– Вы можете определить, когда примерно поставили замок на предохранитель? Скажем, сегодня или год назад?

– Мы многое можем.

– Тогда не пыхтите, возьмите верхний замок в лабораторию и допуск сократите до минимума. – Гуров подмигнул эксперту: – Что еще?

– Следов интересных, годных для идентификации, на полу не обнаружил. Розыску работы хватит. А вы домой? Да, чуть было не забыл сказать, – эксперт подождал, пока Гуров поднимет голову, посмотрит на него, – телефонный аппарат, дверные ручки, выключатели аккуратно протерты.

– Интересно, – сказал Гуров.

– Было бы интересней обнаружить годный для идентификации пальцевый отпечаток, – возразил эксперт.

Гуров согласно кивнул, осматривая кухню, хотя отлично знал, что после эксперта вряд ли найдет интересное.

– Хозяин курил болгарский «Опал», но на столе валялась пачка американских «Уинстон», – продолжал эксперт. – В пепельнице один окурочек «Уинстона» оставлен хозяином, второй – другим человеком. Я все по пакетикам разложил, следовательно закончит, я окурочки в лабораторию заберу. Но вы, майор, не рассчитывайте...

– Брось, коллега, оправдываться, – перебил Гуров и присел у раковины, где в углу стояло несколько пустых бутылок, взглянул на них внимательно.

– Обижаете, – сказал эксперт.

– Кто тебя обидит, трех дней не проживет.

Гуров взял бутылку из-под портвейна, протянул эксперту:

– Взгляни.

Эксперт ухмыльнулся:

– Что на нее смотреть, она чисто вымыта.

– А к чему бы это? – Гуров указал на другие бутылки. – Одна мытая, остальные пыльные, грязные.

– Слушай, сыщик, – эксперт вновь начал раздражаться, – меня интересуют факты, которые могут стать доказательствами. Мытая бутылка – это бутылка чистая! Что ты на пустом месте хочешь построить?

– Ты сердишься, коллега, значит, ты не прав. – Гуров поставил бутылку на место. – Построить нельзя, предположить можно.

– Как ты ее, мытую, отыскал-то?

– Врач сказал: возможно, бутылкой. – Гуров подмигнул эксперту: – Не переживай, я имел дополнительную информацию, а ты – нет.

В прихожей послышались тяжелые шаги, донесся голос Серова:

– Послушай, прокуратура, люди могли бы дать нам и передохнуть.

Следователь ответил что-то невнятное.

– Лозянко? В двадцать один час он в аэропорту с Пашей цапался! – Серов говорил неприлично громко. Профессия профессией, а под ногами труп лежит, понятия сидят – может, любили его? Ну, не любили, так сосед – человек всегда не посторонний.

Гуров сел, копил в себе злобу. «Ну входи, входи, – торопил он подполковника. – Взгляни в глаза, объясни, как у тебя с совестью обстоит».

– Гуров где? Иль не соизволил? – продолжал Серов все так же на высокой ноте.

Он вошел в кухню, пахло паленым, лицо подполковника блестело от пота, на щеке черные полосы. Видно, он вытер лицо рукой, которая была в саже.

– Сидишь? – Он мотнул головой, словно хотел забодать. Глянул из-под набрякших век. Гуров увидел голубые растерянные глаза и отвернулся. – Понимаешь, он квартиру не мог поделить. Жена на размен не соглашалась. Так он хлебнул из ведра самогончика и поджег. Керосинчиком побрызгать успел, а соседей предупредить времени не хватило. Понять можно, в ведре еще чуток оставалось. – Голос у Серова вдруг пропал, он продолжал спотыкающимся шепотом: – Ты, майор, видел, как труп из огня выносят?.. На брезенте такое маленькое лежит! Чтoб вас всех!

Серов ушел в ванную. Эксперт выскользнул к входной двери, начал вывинчивать замок.

В два часа ночи Гуров с Серовым шли по улице. «Волга» обгоняла их, останавливалась, ждала и снова обгоняла.

Серов умылся, бешенство пропало, говорил он тускло, с трудом подыскивая простые слова:

– Ты понимаешь, майор, парень этот... убитый, он из спорта. Невелика фигура, но связан... Главное, там Паша рядом... – Он взглянул на Гурова: – Ты знаешь, кто такой Павел Астахов?

– Спортсмен.

– Это ты спортсмен и миллионы других. А Паша! – Серов посмотрел на Гурова с сожалением и продолжал: – Ты, конечно, вправе улететь. Но бандиты, которых мы намеренно взяли, для меня майский ветерок по сравнению с той бурей, которая подымется в городе, ежели мы в этом деле Пашу тронем. А ты человек сторонний, опять же из Москвы. – Серов уже обрел форму, входил в роль. Гуров почувствовал его быстрый взгляд и тут же очнулся, приготовился к обороне. – Я с Москвой вопрос согласую, позвоню в обком первому, он свяжется с министром.

Гуров хотел съязвить, что министр – не тот уровень, мол, выходите сразу на Политбюро, но воздержался.

– Мы тебя в гостинице в «люкс» переселим, майор... На несколько дней, – продолжал гнуть свое Серов. – Я тебе лучших людей дам, пусть они у тебя поучатся...

Гуров отключился, заставил себя не слышать. Слышать-то он не слышал, а с мыслями совладать не мог.

«Поучатся... Ты змей. Из породы русских якобы простаков. Умница. Понимаешь, что я твои детские уловки насквозь вижу. Логика у тебя простая, однако надежная, как оглобля. От поклонов голова не отвалится. Мол, ты мне не веришь и не верь. А я говорю и говорю. А ты слушаешь и слушаешь. А в результате все слопаешь».

Гуров начинал злиться. И на себя – за то, что не может проявить характер, сказать мужские слова и улететь, и на подполковника, который говорит и говорит.

Гуров вспомнил неживое лицо Лозянко, черное пятно вокруг головы. Как же так? В двадцать один час человек, здоровый и жизнерадостный, находится за чертой Города, а в двадцать два с минутами лежит в собственной квартире и мертво смотрит в потолок.

«Черта с два, это не моя работа», – твердо решил Гуров, усаживаясь рядом с Серовым в машину.

– В «Центральную», – сказал Серов. – Так что ты решил?

– Выспаться, – ответил Гуров.

Серов прикинул время до рейса на Москву. До выезда в аэропорт оставалось три часа, об выспаться не может быть и речи.

– Ну спасибо, – Серов завладел рукой Гурова и крепко пожал. – Отдай билетик на самолет.

Гуров безвольно отдал билет, прикрыл глаза.

– Доложу начальству, оно согласует. И чего я москвичей не любил? Вы вполне нормальные люди. А ты, Гуров...

«Вполне нормальный человек» не слышал, он уже не хотел в Москву, ничего не хотел, лишь бы остаться одному и выспаться.

Порой наши мечты осуществляются. Гуров добрался до своего номера без приключений, и никто его не беспокоил, пока он не поднялся сам. Свежий, полный энергии и несколько удивленный, он распаковал чемодан и отправился бриться.

Подполковник Серов, справившись с Гуровым, не лег, а даже прибавил в скорости. Он поднял оперативный состав отдела и отделений, подключил участковых инспекторов.

Надо было успеть обойти сотни квартир, поговорить с людьми до их ухода на работу. Улица, на которой до двадцати двух часов вчерашнего дня жил Лозянко, была немаленькой, на нее выходило три переулочка. Необходимо найти людей, которые проходили мимо этого дома около двадцати двух часов. Вероятно, в Антарктиде можно убить и остаться незамеченным. В Городе какие-то свидетели всегда есть, и их необходимо найти.

Серов поднимал людей, большинство из которых еще не отоспались за прошлое. Он вернул экспертов НТО к дому Лозянко. Не стояла ли вечером у подъезда машина, не имеется ли следов протекторов? Это надо было сделать немедленно, пока по улице не пошел транспорт. К счастью, милицейские машины останавливались на противоположной стороне.

Решение подполковника о повторном выезде экспертов впоследствии оказалось чуть ли не решающим.

Гуров вошел в отведенный ему кабинет около часу дня и сел за стол, заваленный справками, рапортами и объяснениями. Даже не читая, прикинув количество «бумаги», он понял, какую работу провернули его коллеги, пока старший инспектор МУРа изволил отсыпаться. Это их Город, попытался оправдаться Гуров и взглянул строго на сидевшего напротив сонного Боря Ткаченко. На диване, пружины которого бугрили потертый дермати́н, расположились еще два инспектора, прикрепленных к Гурову. Куприн и Антонов включились в работу ночью и выглядели посвежее.

Молчали. Антонов и Куприн курили, Ткаченко распахнул форточку пошире. Гуров, оттягивая начало разговора, начал укладывать все бумаги в ровную стопочку, затем вложил в папку, на которой написал: «Лозянко. Разное». Папка получилась толстой.

Гуров очень не любил бытующее в милиции выражение «работа по горячему следу». Он эти первые сутки никак не называл. Просто он знал, что в первые сутки множество брошенных в атаку людей «пашут» не за страх, а за совесть. Причиной тому было множество факторов. И человеческий гнев, стремление к возмездию, и подъем, который сопутствует началу нового дела, и стремление отличиться. Если сравнить с золотоискателями, то в первые сутки ищут слитки на поверхности. Главный свидетель мог стоять за углом и обнимать девушку или гулять с собакой. Его только надо найти, повернуть ключ зажигания – проскочит искра, мощный мотор взревет, и машина неудержимо покатится. Если же первый бросок существенного не дал, начинается отлив, людская волна откатывается. И это правильно, ведь жизнь не остановилась, не застыла, она движется, участковые и инспектора уголовного розыска района должны вернуться к своим повседневным делам. Помогать они, конечно, будут, отдельные поручения выполнять, но коренным образом впрячься обязан он, старший инспектор Гуров. «И зачем я согласился, – в очередной раз подумал Гуров. – Теперь уже поздно. Думай, думай...» Розыскное дело – не станок, за него нельзя поставить другого токаря...

– Поди умойся, – сказал Гуров и вышел из-за стола.

Боря послушно отправился в туалет.

– Мне к пятнадцати в изолятор, – сказал Куприн.

Гуров кивнул и перевел взгляд на Антонова.

– В семнадцать со следователем на обыск! – Антонов энергично взмахнул рукой. – Ножевой удар.

– Идите. – Гуров взглянул на часы. – Вы большие и умные, я вам слов говорить не буду.

Он пожал им руки, не рассердился, увидев облегчение на их лицах, выпроводил за дверь, вернувшись к столу, вытряхнул пепельницу.

Вернулся Боря, мокрые волосы его казались лакированными. Увидев, что товарищей отпустили, довольно улыбнулся.

– Дурак ты, коллега, – сказал Гуров. – Нас стало в два раза меньше, а ты радуешься!

– Воюют не количеством, Лев Иванович!

Конечно, можно было сказать о Борином умении, но Гуров промолчал, так как еще не забыл, что сам обижался на подобные реплики.

Инспектор Борис Ткаченко окончил юрфак, работал в розыске второй год, опыт имел соответствующий стажу, был абсолютно убежден, что начальник его, прибывший из самой Москвы Лев Иванович Гуров, личность неординарная, хотя возраст уже накладывает отпечаток консерватизма.

Боря сел за стол напротив, Гуров разделил уложенные в папку рапорты и справки на две части, и они начали перечитывать собранную за сутки информацию. Работали молча, делая на отдельных листочках пометки. Закончив, поменялись папками.

Гуров отложил ручку первым, взял со стола пачку «Уинстона», которую изъяли из квартиры убитого. Пачка сигарет уже побывала у экспертов, наука выжала из нее максимум: имелся годный к идентификации отпечаток второго пальца правой руки, сигареты производства США. Все.

Когда Ткаченко смотрел на эти сигареты, взгляд его становился меланхоличным и загадочным. Он считал, что в руках профессионала пачка «Уинстона» способна привести убийцу в кабинет. Вообще «старика», даже шеф, так Боря стал называть Гурова, небрежно относятся к мелким деталям. Они, асы, заклинились на поисках свидетелей, очевидцев, словно систему доказательств нельзя собрать по крупинкам истины, которые разбросаны там и тут. Бегаю сломя голову, о них не спотыкаешься, их способен разглядеть человек зоркий и умеющий фантазировать.

Гуров понюхал сигареты, вытащил одну и закурил. Боря осуждающе хмыкнул. Гуров иногда курил, что в глазах подчиненного принижало шефа, делало его фигуру более заурядной. У Гурова на эту пачку была своя точка зрения, он умышленно небрежно бросил «Уинстон» на стол и сказал:

– Коротко, но подробно изложи свое резюме, так сказать, подведи итоги.

Лева чувствовал себя отвратительно, так как его собственная версия вызвала большие сомнения. И он воспользовался своим правом начальника. Слушать и критиковать всегда легче, чем анализировать и говорить.

– При расследовании убийства главное – определить мотив...

– Молодец, спасибо.

Боря взглянул обиженно и замолчал. Гуров хотел извиниться, но тоже промолчал. Прошло минуты две. Лева поглядывал безразлично, вспоминая себя в аналогичной ситуации, когда мысли разбегаются, четкие фразы не строятся и на кончике языка вертятся общеизвестные, безликие штампы. Главное, что он тоже ничего стоящего сказать не мог и меняться с Борей местами не собирался.

– Мотив убийства не установлен.

– Убийство произошло двадцатого июля в период с... Ну-ну, давай, Боря, – помог молодому инспектору Гуров.

– С двадцати одного часа тридцати, – продолжал Ткаченко, – до двадцати двух тридцати. Смерть наступила в результате перелома основания черепа. Удар был нанесен сзади, возможно

бутылкой. Видимых следов борьбы нет, есть основания предполагать, что убийца и убитый были знакомы.

– Молодец, – искренне похвалил Гуров. Ему нравилось, что Боря ничего не утверждает. – Теперь о Лозянко.

– Лозянко Игорь Семенович, двадцати пяти лет, образование высшее, член ВЛКСМ, работал тренером по легкой атлетике в спортшколе. Холост. Проживал в однокомнатной квартире. Судя по обстановке и одежде, обнаруженной в квартире, жил достаточно скромно. Подозревать Лозянко в спекуляции либо в валютных делах оснований нет. С соседями жил дружно, хотя порой мешал им вечерами громкой музыкой. У Лозянко часто собиралась молодежь, танцевали. Спиртные напитки употребляли умеренно. По дому Лозянко характеризуется как человек общительный, услужливый, незлобивый. Часто брал займы, но и сам охотно одалживал деньги, суммы незначительны.

– О быте достаточно. Работа, – сказал Гуров.

– Тренер он был никакой, ни хороший, ни плохой. Ребята его любили, но держались с ним панибратски. Авторитетом среди спортсменов Лозянко не пользовался. Имел успех у женщин, причем как молодых, так и среднего возраста. В связях был неразборчив и непостоянен. За рубеж не выезжал. – Боря помолчал, добавил: – Думаю, завистлив не был, никакими комплексами не страдал, жил человек в свое удовольствие. Есть один нюанс, о котором многие знают, но умалчивают...

– И мы пока его взаимоотношения с Ниной Маевской и Павлом Астаховым трогать не будем, – перебил Гуров. – Результаты осмотра и о свидетелях.

– Телефонный аппарат, дверные ручки, электровыключатели тщательно вытерты. На кухне обнаружена одна чисто вымытая бутылка темного стекла, ноль восемь, есть основания предполагать...

– Рано, не разбрасывайся, – остановил Гуров.

– Тогда по квартире все. На лестнице никто из жильцов дома никого постороннего в интересующий нас период не видел. Улица. У подъезда дома на проезжей части обнаружен годный для идентификации отпечаток протектора заднего левого колеса «Волги». Опрошены два свидетеля, которые видели стоявшее у дома такси. Водителя за рулем вроде бы не было. Возможно, он прилег на сиденье. Вечер, человек устал...

– Вполне возможно, – согласился Гуров.

– Никто из проживающих в подъезде на такси вчера не приезжал.

– Говорят, что не приезжали, – поправил Гуров.

– Я уж и так стараюсь, как вы любите, поменьше утверждать...

– Так это ты для меня стараешься? – рассмеялся Гуров. – А я-то решил, что ты поумнел.

– Ну уж с такси-то! – вспыхнул Боря. – Приехал человек на такси и приехал! Зачем ему врать? Глупость!

Гуров смотрел на молодого парня, вспоминал себя в таком возрасте. Все повторяется. И почему человек учится только на собственных ошибках? Почему бы не подучиться на чужих? И быстрее, и не так болезненно. Гуров решил воздержаться от поучений, не туркать парня.

– Опрошены жильцы не только одного подъезда, но и проживающие в ближайших домах. Такси приезжало к Лозянко.

– Вопрос. – Гуров выдержал небольшую паузу. – Возможно, человека, приехавшего на такси, опрашивали в присутствии его жены, отца или матери. Тогда как?

– Не понял. – Боря развел руками.

– Семья живет небогато, человек устал. Он признается, что приехал на такси? Отвечайте.

– Вы правы. – Боря смотрел не обиженно, а восхищенно.

– За самонадеянность я вас накажу, – сказал Гуров. – Позже. Пока выкладывайте свои выводы. – Он тронул пачку «Уинстона». – Этого не касайтесь, жалко времени. Мотив неизвестен. Что можно предположить о личности убийцы?

– Мужчина. В квартире находился три-пять минут. С Лозянко был знаком...

– Прошу, Боря, продолжайте меня уважать, – перебил Гуров. – Либо оговорите, мол, высказываю личное мнение, либо употребляйте слово «возможно».

– Лев Иванович, – взмолился Боря, – обращайтесь ко мне на «ты».

– Хорошо, Боря, работай, – кивнул Гуров.

Ткаченко вышел из-за стола. Начал расхаживать по кабинету. Гуров вспомнил себя в кабинете генерала и рассмеялся.

– Человека убили, а вы смеетесь! – Боря запнулся. – Извините. Значит, «возможно» и «видимо». Убийца – человек физически сильный, жестокий и хладнокровный. Имеется одна-единственная чисто вымытая бутылка. Экспертиза установила, что в стоящих на столе стаканах – остатки портвейна именно той марки, указанной на этикетке. Бутылка черного толстого стекла, тяжелая, вполне могла быть орудием убийства. Ударили бутылкой, которая стояла на столе. Если это так, то убийство спонтанное, без заранее обдуманного намерения. Так?

– Возможно. Однако вряд ли.

– Почему?

– Потому.

– Извините, товарищ майор, «потому» – аргумент женский. – Ткаченко сел за стол и всем своим видом показал, что готов выслушать и мужские аргументы.

– Не скажу. Приказываю! – Гуров подождал, пока Боря догадается встать. – Вы отправляетесь домой, плотно обедаете, выпиваете горячего молока и валерьянки. Последнее обязательно. Вы ложитесь спать и являетесь сюда к девяти утра. – Гуров взглянул на часы. – Я обещаю тебя наказать.

– Наказывайте, – безразлично ответил Боря. Запал кончился, инспектором овладели вялость и безразличие.

– Завтра, лейтенант, ты начнешь искать в Городе человека, который курит сигареты «Уинстон». Не югославского, не финского производства, а «Мейд ин Ю-Эс-Эй». Такими сигаретами у нас не торговали. Посольств в Городе нет. Я хочу знать, как «Уинстон» попал в Город. Ты свободен.

– Хорошо, – Боря кивнул и вышел.

Известно: чем человек опытнее, тем больше при решении проблемы у него вопросов и меньше ответов. У Гурова вопросов хватало. Пока он начал их записывать, а уж систематизировать будет позже. Накапливать и накапливать информацию и удерживать себя от анализа и выводов. Процесс очень сложный, человеку свойственно, задавая вопрос, тут же искать на него ответ. Тут подстерегает опасность: легко создать ложную версию, оказаться у нее в плену и топтать в неизвестном направлении неопределенное количество времени. Старший инспектор Гуров столько раз плутал в лесу собственных предположений, столько набирал лжебелых, что сегодня, прежде чем сделать малюсенький шагочок, бросить в корзинку гриб-фактик, долго-долго сидел на пенечке и размышлял.

«Почему, за что убили Игоря Лозянко? Готовили убийство либо оно действительно спонтанное? Чем ударили? Бутылкой? И убийство спонтанное? Ошибка инспектора Бори. Убийца мог принести оружие, а ударить бутылкой. Почему пальцевые отпечатки затерты, а сигареты оставлены? Кому принадлежала пачка „Уинстона“? Почему не могут найти такси? Таксист связан с убийством? Тогда почему он остановил машину прямо у подъезда, а не в двух кварталах либо в переулке? Может, такси плохо ищут? А был ли мальчик? Или такси – плод фантазии? Два человека видели такси. И что? Такси не факт. Стоп. Назад. Встретиться с врачом, спро-

силь: в момент удара Лозянко стоял прямо? Или он, возможно, нагнулся? Зачем он нагнулся? Почему протерты все дверные ручки? Сколько в квартире ручек? Дверь входная, в комнату, на кухню, в туалет. Восемь ручек. Почему протерли все? Выключателей четыре. Почему протерли все?»

Гуров снял телефонную трубку, позвонил в НТО.

– Профессор? – спросил Гуров, услышав голос эксперта. – Говорит надоедливый Гуров. Ты отоспался? Тогда скажи, как спускается вода в туалете Лозянко? Я не псих. Поясняю вопрос. Там цепочка, металлический стерженек или есть что-то пластмассовое? Я убежден, что ты не фраер и не новичок. Значит, все протерто? Спасибо и извини. Ты профессионал, подскажи мне, почему ручка в туалете тщательно вытерта, а стаканы на столе оставлены захватанными?

Когда Игорь Лозянко был еще жив

«Жигули», в которых возвращались из аэропорта в Город Анатолий Петрович Кепко, Олег Борисович Краев, Нина Маевская и Игорь Лозянко, еле тащились вдоль обочины, пропуская все, что, имея колеса, двигалось по шоссе в сторону Города. Пешеходов, идущих вдоль шоссе, сидевший за рулем Краев все-таки обгонял.

Пронеслась мимо милицейская «Волга», шмыгнули «Жигули» с Усольцевым и компанией, обогнал Астахов, обогнул Краева, недоуменно сигналив, тяжелый автобус. Грузовик с прицепом какое-то время тащился следом, не выдержал, сердито вспыхнул подслеповавшими фарами, старчески кашляя и вихляя длинным, тяжело груженным прицепом, обошел «Жигули» и заторопился по своим рабочим делам.

Кепко посмотрел на друга с любопытством, но без особого удивления, погладил ладошкой коротко стриженную лысеющую голову и стал смотреть в окно на проползавший мимо пейзаж. Кепко знал своего друга и неприятеля. Чем сильнее Краев злился, тем медленнее становились его речь и движения. И сейчас заслуженный Олег Борисович находился в бешенстве. Сидевших сзади Нину Маевскую и Игоря Лозянко Анатолий Петрович не жалел, но и позабавить им не мог. Он вновь взглянул на друга. Олешка кипит, сейчас пар начнет выходить. Опасаясь, что и его ошпарит, Анатолий Петрович отодвинулся вправо, прижался виском к стеклу.

Нина Маевская, как всякая ценящая свою внешность женщина, температуру атмосферы не ощущала. Замкнутая на себе, Нина и занималась собой. Эту желтую блузку надо продать. Конечно, желтый цвет брюнеткам к лицу, но слишком ярко. Могут подумать, что Нина Маевская боится остаться незамеченной. Светло-серые тона, стальные – вот ее стиль. И волосы оттеняет, и к глазам подходяще. С Павлом пора кончать и выходить за него замуж. Ну и свадьбу они отгрохают. И сразу в Москву. Нина Астахова? Звучит. Только она превратится в жену Павла Астахова, мужики сразу подожмут хвосты и отвернутся. И в Москве затеряться можно, там одних кинозвезд табуны бродят. Здесь, в Городе, ее знают. А толку? Любви хочется. Не чужой, своей любви, о которой столько написано, о которой шепчутся подружки. Нина подходит, и они замолкают, полагая, что ей неинтересно, она знает о любви все. Ничего она не знает, чужая любовь надоела, себя любить тоже скучно, однообразно, хочется поделиться. А с кем? Одни смотрят, вздыхают, тоска непролазная. Иные, уловив момент, гипнотизируют, изображают удавов, руки у них дрожат, пальцы холодные, жесткие, пуговицу расстегнуть не в состоянии. Один Паша и есть, себе цену знает и ей тоже, только серьезен слишком. Живешь и живи, радуйся. Молодости, силе, славе. Лети, лови мгновения. Пашу все на глубину тянет, там одиноко, мысли разные появляются. Непокойно на глубине, мрачно. Молодость-то одна, другой не выдадут. Паша словно на века планирует, обреченный он, расчетливый. Хуже отца. Одна лишь разница: отец все о прошлом, как он в молодости... Другие мужики в его возрасте любовниц имеют двадцатилетних. А он войну помнит, хоть сопляком в те годы был. Точно дед, бубнит: «Хлеб не бросай», «Голода не знала», «Зачем тебе три пары джинсов, у тебя же только одна задница?» Отец о прошлом, Паша о будущем: вперед, там, за виражом, еще немного... Надо решить, приналежь, счастье в борьбе, результат – победа, все прошедшее неинтересно. Нине прошлое неинтересно, и будущее не манит. Есть сегодня, сейчас, минута, которая никогда не повторится.

Игорек руку ей на бедро положил, будто по рассеянности. Пошло. Но рука его в сей момент существует, она реальна, лежит себе, не из прошлого тянется и в никуда не тащит. Пустой он парень, Игорек Лозянко, однако по земле ходит, с ним легко и понятно. Он хочет ее, ничего не скрывает, не манит, не обещает. Для него разговоры о шмотках не оскорбительны, он отличает шейк от твиста, не говорит о войне, о солнечном завтра. Конечно, Нина на близость

с ним не пойдет, она не идиотка, будет держать рядом. А что завтра? Так сначала пусть этот вечер кончится и ночь пройдет, а утро подскажет, оно, как известно, мудренее.

Игорь чуть сжал Нине бедро и, опережая реакцию, руку убрал, посмотрел девушке в глаза открыто, приглашая заключить союз, ни ее, ни его ни к чему не обязывающий.

Нина загадочно улыбнулась. «Хороша, стерва, – подумал Игорь, – но хитра больно, расчетлива. И не пьет совсем, не раз проверено, в рот спиртного ни капли не берет. Это совсем плохо». Когда Игорю Лозянко говорили о женщине, что она неприступна, он всегда спрашивал: «Спиртное употребляет?» Если да, то неприступность – вопрос времени и умения. Нинка не пьет, стерва.

Игорь нагнулся к девушке, зашептал:

– Заскочим ко мне, новый диск имею. Потрясающий!

– Какой?

– Заскочим, услышишь. – Лозянко хотел было добавить: мол, ты, главное, зайди, а там услышишь и увидишь.

Хотя Игорь ничего не сказал, Нина все поняла отлично.

«Сопляк, – подумала она. – Я зайду, и ты будешь как шелковый».

Краев наблюдал за Ниной в зеркало и не заметил, что инспектор ГАИ махнул ему жезлом, приказывая остановиться. Машина катилась к Городу. Ее догнала трель милицейского свистка. Краев не реагировал.

Кепко взглянул на друга удивленно:

– Будем уходить?

– Что? – не понял Краев.

Машина ГАИ молниеносным броском обогнала их, остановилась впереди, чуть развернулась, перекрывая дорогу. Краев остановил «Жигули», приспустил стекло. Капитан милиции, примерно ровесник Краева, тяжело выбрался из машины и, поигрывая жезлом, подошел.

– Инспектор второго ГАИ капитан Жиглов, – представился он. – Почему не останавливаетесь?

Краев ничего не ответил, даже не взглянул, протянул в окно документы. Инспектор тщательно проверил их, сличил фотографию на правах с оригиналом, взглянул на номер машины, нагнулся к Краеву.

– Как вы себя чувствуете, Олег Борисович? – Инспектор шумно вздохнул.

– Спасибо, отвратительно. – Краев протянул руку за документами.

Инспектор отстранил его руку, приглядывался, стараясь определить, трезв водитель или нет.

– Кончайте, инспектор, я за рулем не пью! – резко сказал Краев.

– За рулем никто не пьет. – Инспектор не сводил с Краева испытующего взгляда. – Пьют за столом.

– Если вы пьете, то лучше закусывайте, – повысил голос Краев. – В чем дело?

– Нарушаете. – Инспектор явно не мог разобраться в ситуации.

– Что я нарушил? Что?

– На трассе скорость семьдесят, а вы едете сорок.

Только инспектор договорил, как мимо них, явно превышая скорость, пролетели «Жигули».

– Совсем ошалели от безделья? – Краев почти кричал. – Разуйте глаза! – Он кивнул вслед улетевшей машине.

– А вы меня не учите. – Инспектор начал убирать документы Краева в карман.

Кепко выскочил на шоссе, обежал машину, взял инспектора за руку, отвел в сторону.

– Послушайте, капитан, – быстро заговорил он. – У человека неприятности. Ну ехал тихо, видите, он не в себе.

– Так сидел бы дома, – буркнул инспектор. Чувствуя свою неправоту, он искал выход из создавшегося положения.

Кепко ему помог:

– Он тренер Паши Астахова. Они поссорились.

Инспектор взглянул на Краева заинтересованно, как смотрят на киноактера.

– Тренер Астахова... – Он протянул документы Кепко, козырнул. – Передайте, чтобы не ссорились. – И пошел к своей машине.

– Миротворец! – рявкнул Краев, забирая у Кепко документы. – Из-за таких, как ты, вокруг разгуливают наглецы и хамы. – Он рванул с места, и через минуту стрелка спидометра завалилась за отметку сто километров.

Краева вывела из себя не ссора Астахова с Лозянко, которую он видел в аэровокзале. Тренера бесила эта девчонка, которая мешала жить Павлу, а значит, и ему, Краеву. Дура! Кукла! Кандидат в мастера, это ее потолок. Сверкает на стадионе стройными ногами, грудками подрагивает. Ее, такую-сякую, надо заставить лифчик надеть. Тренируется в охотку, косметику не размазывая. К Павлу вроде бы и не придерешься, работает. Но Краев видит: парень все время вздернутый, нет гармонии. Мысли нет, чувства, ногами перебирает часто, а по дорожке тянется, словно больной. И это сейчас, когда главные старты на носу! Забежали к звездам, теперь у нас все старты главные. Для Астахова второй – значит последний. И из-за чего?

Краев резко остановил машину, всех бросило вперед.

– Спокойной ночи, Игорь, – сказал Краев.

– Спасибо, Олег Борисович. – Игорь начал вылезать из машины, взяв Нину за руку. – До свидания, Анатолий Петрович.

Краев обернулся:

– Мы Нину довезем.

Маевская подмигнула Игорю, показала пальцем, как крутят телефонный диск.

– Мы погуляем еще, – сопротивлялся Лозянко, но Кепко перегнулся с переднего сиденья, захлопнул дверцу, машина тронулась.

Опережая друга, Кепко мягко сказал:

– Я тебя понимаю, Нина, сердцу не прикажешь. Так и скажи Паше. А душу ему не мотай. Он этого не заслужил.

– Ну это мое дело, личное!

Краев вновь резко остановил машину:

– Я тебе покажу личное! На задницу неделю не сядешь! Павел Астахов не только тебе, он себе не принадлежит! Ясно? И чтоб завтра на тренировке в лифчике была!

– А можно, я вообще не приду?

– Обяжешь! Я тебе за каждую пропущенную тренировку приплачивать буду!

Через несколько минут Нина Маевская вышла из машины у своего дома, хлопнула дверцей, не попрощалась.

– Олег, тебе не кажется...

– Ты еще! Слунтай!

– Нехорошо, Олег. Стыдно! – Кепко вздохнул. – Пойдем ко мне, я тебя накормлю.

Игорь Лозянко шел по улице, пребывая в сомнении. Позвонить Нинке, не позвонить? Может, она сама позвонит? Он остановился у стеклянных дверей ресторана. Дома, кроме липкого портвейна, ничего. Заскочить сюда, снять напряжение? Нет, домой. Девка норовистая, из упрямства прийти может. Он взглянул на часы, половина десятого, и зашагал к своему дому.

Человеку не дано заглянуть ни в завтра, ни на двадцать пять минут вперед.

Вера Темина в квартире Астахова включила проигрыватель и перебирала пластинки:

– А где мой любимый Окуджава?

Астахов выглянул из кухни, спросил:

– Ужинать будем здесь или на кухне?

– Без разницы. – Вера достала из шкафа тарелки, прошла на кухню.

Астахов разложил яичницу, налил кофе, положив в Верину чашку одну ложечку сахара, себе три.

– Почему мы всем и все время должны? – спросил Астахов, нарезаая хлеб. – Родителям должны... Школе... Спортобществу... Институту... Тренеру... Другам. Я в долгу как в шелку. И все время в цейтноте.

Вера любила Астахова. И, несмотря на то что была моложе, в чувстве ее было больше материнского. Она пыталась защитить этого большого, очень сильного, но слишком открытого человека. Странно, но она не ревновала его к Маевской, считая его увлечение детской болезнью, неопасной, как корь. Большинство детей болеют корью, это чуть ли не обязательная болезнь. Маевская казалась Вере такой ничтожно маленькой, она не верила, что Павел с его умом и масштабами способен надолго ею увлечься, потерять зрение. Она не знала ни жизни, ни мужчин, не понимала своей необъективности в оценке соперницы. Вера наблюдала за их романом без страха, убежденная: не сегодня завтра Павел увидит – король голый. Она наивно полагала, что в жизни не может быть такой вопиющей несправедливости. Вера лишь болезненно воспринимала унижения, которые терпел Астахов на глазах всего Города. Она все хотела ему сказать об этом, но боялась, что Павел воспримет ее слова как ревность и не более.

– Скажи, Паша, почему у тебя в квартире нет ни одного кубка, не висит ни одной медали? – спросила она, отлично зная, почему все награды Астахова не выставлены напоказ.

– Я бегу по дорожке, – сказал Астахов. – Быстро бегу, это понятно...

– Ты не выставляешь своих наград, потому что ты гордый, – перебила Вера. – Так будь гордым!

Когда трехлетние дети собираются вместе во дворе у песочницы или в квартире, они разговаривают каждый о своем, натываясь друг на друга, каждый из них существует в своем мире. Вера и Павел, казалось бы, вышли из этого возраста, однако каждый говорил свое, так как разговаривал сам с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.